

партийные организации в редакциях журналов «Урал» и «Уральский следопыт»²¹. На совещаниях идеологических работников области вновь зазвучали «ждановские» оценки отдельных произведений и их авторов, обвинявшихся то в «мелкотемье», то в «натуралистическом описании», то в «сенсационности» и «псевдоноваторстве», то в «подражательстве буржуазному искусству»²².

«Железный занавес» вновь опускался, лишая уральцев, как и всех советских людей, возможности читать и смотреть ряд зарубежных и отечественных книг и кинофильмов, знакомиться с произведениями искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.64. Д.31. Л.26.

² Там же.

³ Там же. Л.28.

⁴ ЦДООСО. Ф.376. Оп.1. Д.18. Л.20.

⁵ Урал. 1963. № 12. С. 11.

⁶ Там же.

⁷ ЦДООСО. Ф.376. Оп.1. Д.18. Л.21.

⁸ Там же. Л.22.

⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.71. Д.28. Л.8.

¹⁰ Там же. Л.8.

¹¹ XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1966. С. 83.

¹² Там же. С. 358.

¹³ ЦДООСО. Ф.4. Оп.71. Д.28. Л.8.

¹⁴ ЦДООСО. Ф.4. Оп.79. Д.88. Л.53.

¹⁵ Там же. Л.53.

¹⁶ Цит. по: Зубкова Е.Ю. От 60-х к 70-м: Власть, общество, человек // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 343.

¹⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.74. Д.235. Л.192.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л.195.

²⁰ Там же. Л.195.

²¹ ЦДООСО. Ф.161. Оп.45. Д.8. Л.14.

²² ЦДООСО. Ф.376. Оп.1. Д.18. Л.20–21.

Л.В. Сапоговская
(Екатеринбург)

ПОЛИТИКА СССР В СФЕРЕ ЗОЛОТА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

В планах «колоссального строительства» советской индустриализации, золоту отводилось особое место, «золотовалюта в руках рабочего класса, — значилось в одном из приказов Народного Комиссариата тяжелой промышленности, — является самым важным фактором успеха»¹. Отказавшись от выплаты иностранных долгов Российской империи, а также развернув в свое время экспроприацию иностранной собственности, СССР не мог рассчитывать на получение необходимых серьезных кредитов. Советскому правительству приходилось инвестировать экономику из собственных средств. К 1929 г. фиксированные по отношению к золоту курсы были восстановлены почти во всех странах мира². Соответственно, с одной стороны, востребованность золота во внешней торговле возросла, с другой, — насущной стала необходимость расходования его на самое необходимое. В 1930 г. новому наркому внешней торговли А.П. Розенгольцу И.В. Сталин дал указание ограничить физический вывоз золота³. Это требование учитывалось в соглашениях СССР и Германии 1931, 1935, 1939 гг., которые предусматривали в качестве оплаты кредитов товарные поставки из СССР⁴. Золото старались «придерживать» особенно после 1933 г. Мировой экономической кризис 1929–1933 гг. привел к обесцениванию бумажных денег; западные правительства всячески стремились предот-

вернуть утку золота из центральных банков, проводили политику ограничения внутреннего обращения физического золота.

На валютный металл распространялись в известной мере и идеологические функции — золотая компонента органично выписывалась и в избранную концепцию автаркии и “закрытой экономики” в условиях “враждебного окружения” и неминуемых “грядущих сражений с мировым империализмом”. Значительные ресурсы примерно до середины 30-х гг. расходошались на поддержку дружественных и лояльных СССР сил на Западе (в т.ч. то, что Л.Д. Троцкий называл “золотым ошейником Коминтерна”⁵). Характерно, что в одном из фактически официальных трудов подчеркивалось, что для Советской России “золото вышло на более видное место, чем даже в эпоху Витге”⁶.

Для мобилизации золота правительство СССР действовало широким фронтом различных кампаний — продажи художественных изделий (под лозунгом: “перекатать средства из плохой культуры в хорошую индустрию”), переделки церковных ценностей (в т.ч. с куполов разрушавшихся церквей), особых финпланов по мобилизации золота (из “сбережений граждан”), с одной стороны, Торгсином, с другой — ОГПУ. В августе 1929 г. Совещание ревизионной комиссии “Союззолото” совместно с валютным управлением НКФ приняло ряд решений о совершенствовании системы скупки золота. Концентрация ее в руках Госбанка Союза ССР была подвергнута критике. Для “усиления” скупки в рамках “Союззолота” было создано особое Бюро. В соответствии с особым постановлением СТО “Союззолото” мог проводить скупку, в том числе путем организации товарообмена, что было для государства значительно дешевле⁷.

В 1928 г. форсирование масштабного извлечения золота из собственных недр было провозглашено задачей “государственной важности”. Начало сезона добычи того года было ознаменовано введением новых, более льготных условий кредитования частных золотопромышленных предприятий — им предоставлялись беспроцентные ссуды на 1–10 лет в размере 70 % необходимых затрат⁸, было ликвидировано практиковавшееся ранее ограничение в получении кредита требованиями наличия разведанного месторождения и необходимых технических средств. Единственным условием получения ссуды была сдача добытого частными предприятиями в “Союззолото”.

С мая 1928 г. “Союззолото” возглавил выдвинутый лично И.В. Сталиным А.П. Серебровский, который должен был превратить “Союззолото” в “штаб золотого фронта”, а новая государственная структура, им возглавляемая, “развернуться лицом к производству”⁹, то есть отказаться от такой практики, когда государство выступало более в роли “амбаропромышленника” (производственными проблемам непосредственно не занималось, но, обеспечивая предприятия всем необходимым, золото скупало)¹⁰.

В отношении политики повсеместного “наступления на частный сектор” золотопромышленность стала исключением: одним из первых решений нового главы “Союззолота” стало закрепление политики стимулирования старательства (постановление “Об условиях применения труда старателей, занятых добычей благородных металлов и драгоценных камней” от 22 июля 1928 г.).

Серьезное значение глава “Союззолота” придавал зарубежному опыту механизации и постановки работ и начал свою деятельность в новом качестве с поездки на золотодобывающие предприятия США, где, в том числе, он должен был закупить образцы передовой золотопромышленной техники. Во время своего пребывания на Аляске А.П. Серебровский пригласил на работу в “Союззолото” известного американского горного инженера J.D. Littlepage, который оставался его консультантом вплоть до 1937 г.

Новая техника требовала прогрессивных изменений в кадровом составе, большое внимание с первых шагов своей деятельности А.П. Серебровский уделял привлечению ино-

странных и подготовке отечественных специалистов, формированию системы их материального стимулирования (постановление ЦИК от 12 сентября 1928 г. о введении “льгот для специалистов государственных предприятий по добыче золотоплатины”), а также развитию золотопромышленной специализации горного образования.

Стремление максимально “приблизить” управление к производству вызвало к жизни такой неординарный шаг, как ликвидацию московских представительств трестов и даже перемещение аппарата “Союззолота” из Москвы в Иркутск. Хотя это решение не стало окончательным, оно продемонстрировало “стиль” нового руководства. После возвращения аппарата в столицу А.П. Серебровский большую часть года проводил в разъездах, его “штабной” вагон прицепляли к пассажирскому составу, и он курсировал по Транссибирской магистрали. Руководители рудников и приисков подсаживались на одной из заранее оговоренных станций и ехали до очередной, докладывая о своих делах; при необходимости вагон загоняли в тупик, где шел “прием” местного руководства, откуда сам А.П. Серебровский выезжал на объекты¹¹.

В соответствии с постановлением ЦИК “О правах и обязанностях Всесоюзного государственного акционерного общества «Союззолото» в области дорожного, коммунального, школьного, больничного строительства, снабжения населения и регулирования торговли на территории золотопромышленных приисковых районов”¹², новая структура стала фактическим верховным субъектом всех видов хозяйственной деятельности в золотопромышленных районах. В ноябре 1929 г. на базе Главцветмета ВСНХ и АО “Союззолото” создается “Всесоюзное объединение по добыче, обработке и реализации цветных металлов, золота и платины (“Цветметзолото”) ВСНХ). “Союззолото” в его рамках было преобразовано в Общесоюзный государственный промышленный трест¹³ (во главе с А.П. Серебровским). За этой административной структурой перманентно, с одной стороны, расширявшейся, с другой, “рафинировавшейся” свои полномочия и инструментарий, стоял всемогущий Сталин. Глава государства лично курировал золотопромышленность, уделяя ей огромное и неослабное внимание. С 1929 г. в отрасли закрепился культ секретности, она превратилась в “закрытую” отрасль народного хозяйства, сферу особых интересов и полномочий верховной власти.

На золотопромышленность возлагалась совершенно особая роль. Поставляя валлотный металл, она сама, тем не менее, должна была стать сферой экономики государственных средств, причем сферой двойной экономики. Во-первых, значимым ресурсом была разница расчетных цен на золото и цен его внешней реализации, существенная даже при условии государственного дотирования нерентабельных предприятий. Во-вторых, золотодобычу в Советской России предстояло развивать, особенно на наиболее трудном начальном этапе индустриализации, на базе преимущественно ручного труда, не затрачивая масштабных средств на механизацию, массивное технико-технологическое совершенствование производства. Ограниченного пользования, с грифом “Только для членов ВКП(б)”, тезисы ЦК “Об основных задачах развития золотопромышленности и организации скупки золота в стране” (октябрь 1929 г.) разъясняли, что, так как накопление золотого запаса является “важнейшей задачей в деле укрепления международного и внутреннего положения СССР”, а надлежащими средствами на механизацию государство не располагает... в течение ближайших лет золотодобыча должна развиваться за счет ручного труда”. Золотопромышленность, таким образом, стала и сферой двойного отступления от господствующих установок промышленной политики — во-первых, в плане механизации, отодвигавшейся на более благоприятное будущее, во-вторых, безусловного и решительного сворачивания частной инициативы.

Существенным, определившим такого рода поправки, стало то обстоятельство, что принятые планом развития золотодобывающей промышленности на 1925/26–1928/29 гг. показатели по преимущественному развитию крупной государственной добычи оказались невыполненными. Удручающими были итоговые оценки эффективности использования направле-

мых отрасль финансовых средств. В 1927–1928 гг. в золотопромышленность было направлено 63,2 млн руб., что на 80 % превысило начальные показатели Промфинплана, но производственные планы по добыче в 1929 г. были выполнены лишь на 62 %, а попутному извлечению золота на заводах прустой металлургии — на 12 %. В этом году, как значилось в отчетной документации “Союззолото”, “ни одно из приисковых управлений не выполнило план”¹⁴.

Основной прирост добычи золота давала не требовавшая затрат “мускульная сила”. По планам на этот вид добычи на госпредприятиях приходилось 1 440 кг золота, фактически было получено 3 377 кг, т.е. в 2,3 раза (на 134,5 %) больше. Стабильный прирост добычи (в 1929 г. перевыполнение плановых ориентиров на 19 %) давало старательство. Напротив, невыполненными остались планы по развитию дражной и гидравлической добыче из россыпей (на 14,2 и 12,9 %) и особенно освоению рудных месторождений (на 64,3 %)¹⁵. Эффективность вложенных в отрасль средств падала: если в 1927 г. один затраченный рубль приносил 0,5 г золота, то в 1931 г. — всего 0,06 г.¹⁶

В директивах правительства в качестве главнейшей обсуждается проблема определения “факторов, парализующих” деятельность отрасли, золотопромышленная политика Советской России в этот период должна была определяться принципом максимального сокращения финансирования¹⁷. “Сталинская золотая программа” в начальный период индустриализации предполагала включение административного мобилизационного ресурса, с одной стороны, и обеспечение золотопромышленности особыми льготными условиями хозяйствования, с другой. Серьезные вложения в годы первой пятилетки делались только в геологию золота¹⁸, поскольку без основательного расширения геологической базы отрасль теряла перспективы развития. С 1930 г. начинает заметно сокращаться добыча золота на богатейшем и относительно “легком” с точки зрения способов добычи Алдане (в 1931 г. плановые расчеты реализованы лишь на 40 %¹⁹). Надежды на то, что “таких Алданов у нас много”, не спешили оправдывать.

Несмотря на тяжелейшее положение с квалифицированными кадрами геологов и крайне ограниченные возможности для оснащения экспедиций оборудованием, в начале 30-х гг. много усилий было направлено на отыскание новых месторождений и уточнению старых запасов. Значительные усилия прилагались к картографированию золотоносных районов Урала и Сибири. Особыми приказами “Союззолото” было покончено с “дачной”, т.е. сезонной летней геологией. Если в 1928 г. на поисковые работы было выделено 930 тыс. руб., то в 1929 г. — уже 2,9 млн руб., а в 1930 г. — 4,6 млн руб. Повсеместно была организована кампания разведок. Получившая названия “сталинской”, она в значительной мере шла по застолбленным еще в досоветские времена “именным шурфам”. Решение форсирования геологоразведки было стратегически верным, и эта политика вскоре начала приносить плоды. Весомый вклад в наращивание добычи и пополнение золотого запаса должны были сыграть вновь открытые золотоносные районы, среди которых особо выделялась Колыма. В сезон 1928 г. на реке Среднекан началась настоящая “золотая лихорадка”, вскоре здесь была организована Верхне-Колымская приисковая контора “Союззолото”.

В августе 1931 г. Политбюро ЦК впервые рассматривало проблему “добычи золота в Колыме”, в октябре того же года докладчиком по данному вопросу был лично Сталин²⁰. К освоению “советской золотой Колымы” был подключен особый ресурс: ключевая роль была отведена чрезвычайный хозяйственному образованию — “Государственному тресту по дорожному строительству в районе Верхней Колымы”, известному впоследствии по краткому названию “Дальстрой”²¹. В официальном стартовом Постановлении СТО СССР от 13 ноября 1931 г. о его организации о золотодобыче не говорилось ни слова, но предшествовавшее ему секретное Постановление ЦК ВКП(б) с нейтральным и лаконичным названием “О Колыме” предельно конкретно определяло цель новой структуры как “форсирование разработки золо-

тодобычи". В том же постановлении определялся особый статус треста, заключающийся в "непосредственном подчинении ЦК ВКП(б)"²² (официально он находился в ведении СТО).

В распоряжении "Дальстроя", фактически с момента его организации, находился Северо-восточный ИТЛ (Приказ ОГПУ от 1 апреля 1932 г.)²³, а "спецконтингент" стал основой потенциала рабочей силы треста. "Дальстрой" изначально формировался не просто как специализированная структура ГПУ, но особая, с правом экстерриториальности, строго засекреченная хозяйственно-политическая организация. На нее в планах форсирования добычи золота, столь необходимого для реализации планов индустриализации СССР, возлагались особые надежды.

Расчеты на этот источник валютного металла, в том числе, позволили перейти к решительному сворачиванию концессионной практики. Начало планомерной "осады" английской концессии положила серия спровоцированных конфликтов рабочих с персоналом управления. А в 1931 г. был окончательно разорван договор с крупнейшей концессией "L. Enagolfield"²⁴, которая еще совсем недавно давала около трети золотодобычи страны²⁵. Прииски перешли сначала в ведение Лено-Витимского приискового управления и "Ленабька"²⁶, а в 1932 г. на базе этих предприятий был образован трест "Лензолото".

"Дальстрой" дал первые килограммы золота уже в 1932 г. С того времени статистика добычи стала "двойной", а золотопромышленность СССР была фактически разделена на два сектора — официальный, основанный на вольнонаемном труде, и особый, базировавшийся на труде "спецконтингента". Эти секторы стали самостоятельными субъектами правительственной золотопромышленной политики. Возможно, точнее применительно к периоду существования золотодобычи в рамках системы ГПУ-НКВД говорить о двух уровнях золотопромышленной политики, имевшей единую цель — создания мобильного и резервного золотого фондов СССР, но располагавшей в каждом случае специфическими средствами.

"Официальная" советская золотопромышленность в 1932 г. перешла в ведение созданного Наркомата тяжелой промышленности (НКТП), руководитель отрасли — А.П. Серебровский — стал заместителем наркома Г.К. Орджоникидзе. В главном управлении золотоплатиновой промышленности "Главзолото"²⁷ НКТП было сконцентрировано управление 24 (1932 г.) территориальными золотодобывающими трестами, двумя специальными машиностроительными заводами (Красноярским и Иркутским), Московским аффинажным заводом, институтами "Гипрозолото", "Гинзолото", "Нисзолотолaborатория", особыми ведомствами в его рамках стали "Золотопродснаб", "Золототехснаб", "Золототранс", "Золоторазведка"²⁸.

Но объемы добычи в начале 30-х гг. оставались неудовлетворительными, не соответствовавшими грандиозным планам социалистической индустриализации. Отрасль "не выполнила своего долга" перед первой пятилеткой — в 1930 г. промфинплан не был выполнен²⁹. "Зоркий глаз Октября — ОГПУ" предупреждал о вредительстве членов "Промпартии", призывал повысить бдительность и "выжигать политическое благодушие". Объектом такого рода кампаний стала инженерно-техническая интеллигенция. Одним из колоритных свидетельств развития "спецедействия" и накала борьбы с "аполитичностью и нейтральностью в технических вопросах" стала, например, "клятва на дело рабочего класса", которую должны были принять все специалисты "Главзолото" на общем собрании научно-технических работников.

И в следующие годы первой пятилетки золотопромышленность выполняла производственную программу на 40–50 %³⁰. Золотодобыча стала особой сферой организационной, партийной и пропагандистской работы. ЦК коммунистической партии развернул бурную деятельность — незатухающие серии партийных и производственно-технических совещаний, "бомбардировка" парткомов золотодобывающих предприятий звучными призывами к "большевистской борьбе за золото".

По завершению первой пятилетки, появилась возможность более систематично направлялись в отрасль технические средства. С 1932 г. по решению Наркомтяжпрома “Главзолото” приступил к реализации программ создания энергетической и специализированных машиностроительной и ремонтно-механической баз. Их реализация должна была осуществляться “по-большевистски решительно” — так, об освоении драгостроения руководство Иркутского завода должно было “доложить в трехдневный срок”, Благовещенский механический завод передавался в ведение “Востокзолото” “на ходу”. Красноярский и Иркутский заводы получили статус предприятий всесоюзного значения, в номенклатуре их продукции основное место должны были занять гидравлическое и обогащительное оборудование, драги и скрепера.

На службу реконструкции и технико-технологического обновления золотопромышленного производства предполагалось поставить научно-исследовательскую работу. Существовавший в цветной металлургии с 1920 г. институт “Механобр” и вновь организованный институт “Тинцветмет” не могли полностью удовлетворить возросшие потребности отрасли, и постановлением “Цветметзолото” от 21 января 1930 г. было принято решение об организации Сибирского отделения института “Тинцветмет” (“Сибгинцветмет”), который стал головным научно-исследовательским институтом по золоту. Институт вел широкие исследования по технологии добычи золотосодержащего сырья как открытым, так и подземными способами, имел несколько экспериментальных производственных участков. В золотопромышленности начали активно проводиться кампании “технической пропаганды”, предполагавшие ознакомление с передовыми образцами техники и методами труда, организацию специальных учебных комбинатов. В отраслевом журнале значительное место неизменно уделялось такого рода рубрикам, как “Обзор технической литературы”, “По страницам иностранных журналов”³¹, “Новости оборудования”, “Пора овладеть техникой!” и т.д. Золототресты перешли к строительству новых объектов, форсировался пуск аффинажных заводов, амальгамационных фабрик и золотоизвлекательных предприятий “полного цикла”.

Для нужд золотопромышленности проводилась закупка оборудования за границей. Преимущественное положение отрасли в этом плане следовало из того, что баланс экспорта и импорта базировался на принципе “выявления экспортных объектов” — предприятий, продукция которых реализовывалась на Западе. Многие образцы закупаемой техники были впоследствии “копированы” и начали производиться на заводах СССР. Но техники не хватало, по-прежнему актуален был лозунг “при данных материальных средствах давать максимум”. “Проблемой проблем” оставалось и рациональное освоение новой техники. На XVII партийной конференции А.П. Серебровский отчитывался: “...Отовсюду запросы — «Давайте нам технику», давать не можем, когда знаем, что имеющиеся агрегаты и механизмы плохо используются. Не умеете, извольте работать лопатой”³².

Большое распространение в отрасли в начале 30-х гг. получила практика организации “технического содействия” западных фирм и отдельных специалистов. Под “техническим содействием”, как явствует из одного из договоров, понимались: непосредственная техническая помощь, техническое наблюдение, составление и экспертиза проектов³³. Договоры заключались структурами “Союззолото” непосредственно и через Горный отдел и Бюро иностранной науки и техники (БИНТ) ВСНХ. Так, институт “Типроцветмет” заключил договоры с горными инженерами А. Уиллером, В. Митке, И. Томпсоном³⁴, “Союззолото” — с инженерной корпорацией “Southwestern”³⁵, известными в России с дореволюционных времен фирмами Круппа, Сименс и Гальске³⁶, активно сотрудничал с “Amtorg Trading Corporation”³⁷. По некоторым данным, всего в советской золотопромышленности к середине 30-х гг. работало не менее 175 зарубежных специалистов³⁸.

Постепенно все большее внимание в отраслевой политике начинает уделяться качественным характеристикам золотодобывающего производства, прежде всего себестоимости до-

бывасмого золота, вопреки в систему плановых и отчетных показателей. Но правительство в тот ответственный период не могло отказаться и от экстенсивного источника наращивания добычи золота. Параллельно с лозунгом “поставить золотопромышленность на рельсы современной техники” со страниц того же отраслевого журнала звучало: “даже на имеющейся технике можно добиться лучших результатов”, “нельзя игнорировать мускульный труд”. Весьма в этом смысле характерно и “со вкусом” пропитанное А.П. Серебровским (выступление на XVII съезде ВКП(б) высказывание И.В. Сталина о том, что “не нужно увлекаться разными надуманными вещами, но подходить просто к делу — там, где нужна лопата пусть будет лопата, где нужна кайла — кайла”³⁹). Прирост золотодобычи планировался за счет увеличения числа рабочих. Только в старательском секторе к середине 30-х гг. было задействовано около 120 тыс. чел. (в дореволюционной России общая численность работавших в предвоенный период составляла около 60 тыс. чел.). Особый резерв советским государственным деятелям виделся в использовании в золотопромышленности женского труда — за счет женщин был запланирован прирост рабочей силы в отрасли на 1 млн чел. Председатель СНК СССР А.И. Рыков выступил на страницах “Советской золотопромышленности” с лозунговой статьей “Перестроить организацию старательского труда”⁴⁰, где во главу угла было поставлено не техническое перевооружение старательства, но достоинства такой системы экономического стимулирования как “индивидуальная сдельщина”.

Но самым важным “рычагом” подъема золотопромышленности оставалось ее особое положение. В 30-е гг. на отрасль “обрушился” поток новых льгот и привилегий, прав и полномочий. Пик их приходится на период 1932–1934 гг.⁴¹ Категорически воспрещалась урезка, сокращение, недогроз и аккумулятивные фондов, выделенных для каких бы то ни было целей золотопромышленности. Фонды этого производства считались “бронированными”, а передвижки в сроках поставок оборудования и материалов могли иметь место только с разрешения Совета труда и обороны. Потребность золотопромышленности в остродефицитных металлах и технических материалах удовлетворялась в равной доле со спецзаказами и заказами черной металлургии. Заказы на оборудование также обеспечивались “строго наравне со спецзаказами”. Поставщики товаров по фондам золотопромышленности обязывались производить отгрузки “преимущественно перед другими срочными”. Золотодобывающие предприятия обеспечивались отгрузкой всеми техническими материалами, оборудованием, автотранспортом, рудничными рельсами, тарой в первую очередь. Предприятия должны были также обеспечиваться выделением районов лесозаготовок преимущественно перед потребностями других предприятий. Целевыми фондами в централизованном порядке обеспечивалось снабжение материалами, оборудованием, запчастями всего золотого автотранспорта и Ленского пароходства. Комитет перевозок при СТО и НКПС был обязан удовлетворять заявки на подвижной состав для грузов золотопромышленности полностью и предоставлением права отправки наравне с воинскими, преимущественно перед другими грузами. Было введено “безусловное” запрещение мобилизации авто- и гужевого транспорта, принадлежавшего золотопромышленности. Запрещалось всякое аккумулятивное недогрузов по фондам продовольствия и промышленных товаров золотопромышленности, они приравнивались к фондам Комитета резервов.

Важную роль в развитии золотодобычи сыграло введение в 1932–1934 гг. т.н. “золотого исчисления” при расчетах со старателями и вольноприносителями за сдаваемое в государственный фонд золото (и платину)⁴². Это был весомый экономический стимул. Стране было необходимо дешевое золото и необходимо “сегодня”, а старательский источник, дававший более половины добычи (56,4 % на 1937 г.), не требовал от государства особо масштабных затрат. Приказом “Главзолота” от 7 июля 1933 г. (№ 523) трестам было вменено в обязанность “повсеместно развернуть старательские работы и широко оповестить население золотопро-

мысленных районов о льготах для старателей и золотничников”. Старатели освобождались от трудовой нужевого повинности и сельхозналога⁴³. Не менее важным в полуголодной и нищей стране была организовано действующая система специальных магазинов для старателей с улучшенным ассортиментом и прекурсагами.

Таким образом, не была забыта ни одна сфера обеспечения золотопромышленности. Отрасли был придан статус “валютного цеха народного хозяйства”. Она находилась под особым контролем СТО — без его специального распоряжения даже Государственный Банк не имел права корректировки фондов золотопромышленности. Ужесточался контроль за аффинажем исходного шихтового металла. Новый Московский аффинажный завод недолго находился в ведомстве “Союззолото”, в 1932 г. он был преобразован в Государственное предприятие по аффинажу драгоценных металлов им. ОГПУ (“Аффинажзолото”), а вскоре вошел в особую, так называемую “литерную группу”, — завод № 171 им. ОГПУ).

В 1934 г. правительство заявило о необходимости “превратить золотодобычу и золотоскупку в дело всего трудящегося населения”. Нарком тяжелой промышленности объявил “добычу золота делом первой государственной важности”, все категории золотодобытчиков стали героями страны⁴⁴. Большинство правительственных директив в сфере золотопромышленности носило высшую категорию значимости и имело статус “сталинского задания”.

Положение отрасли определялось строгой иерархичностью советской экономики. Валютному металлу в большевистской стратегии социалистического строительства в условиях “враждебного окружения”, отводилось одно из решающих мест. Хотя в пропагандистской литературе тех лет подчеркивалась “инструментальная” роль такой “социализации” золота (“Октябрьская социалистическая революция положила предел господству золота на одной шестой части земного шара ... золотой телец, этот двигатель капитализма, развенчан, он потерял в Советском союзе свое могущество”⁴⁵), во имя диктатуры пролетариата в экономике была учреждена своеобразная “диктатура” презренного металла. Определялось это тем, что экспорт физического золота давал средства на приобретение техники и технологий (политика расходования на это золота была рациональной, поскольку покупательная цена его на мировом рынке в начале 30-х гг. значительно возросла), разница экспортных и внутренних цен формировала дополнительные ресурсы, статус крупной золотодобывающей державы с развитым золотодобывающим производством и солидными государственными резервами металла давал имиджевые преимущества, позволяя решать политические задачи, нес также специфическую идеологическую нагрузку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из Приказа НКТП о развитии золотопромышленности в СССР (ноябрь 1933 г.). РГАЭ. Ф.8153. Оп.1. Д.62. Л.7.

² Борисов С.М. Золото в экономике современного капитализма. М., 1968. С. 131–139; Алмазова О.Л., Дубоносов Л.А. Золото и валюта: прошлое и настоящее. М., 1988. С. 35–46.

³ См.: Империю Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. Электронная публикация www.hrono.ru.

⁴ См., напр.: Швейкин А.А. Советско-германские экономические отношения в 1939–1940 гг. // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 164–170.

⁵ См.: Троцкий Л.Д. Пора перейти к международному наступлению против сталинизма! Письмо к рабочим организациям // Бюллетень оппозиции. 1937. № 60–61. С. 5–7 // www.wonder.ru.

⁶ Солдатов Л.К. Золотопромышленность в системе народного и мирового хозяйства. М., 1925. С. 79.

⁷ РГИА. Ф.8152. Оп.1. Д.216. Л.59.

⁸ Инструкция “Союззолото” от 2 марта 1928 г. (РГИА. Ф.8152. Оп.1. Д.216. Л.54).

⁹ См.: Серебровский А.П. На золотом фронте. М., 1936. С. 1–3, 12.

¹⁰ Так, напр., в пресе “Дальзолото” доля скупленного (не произведенного) золота составляла в 1926 г. 89,4 %. (См.: Кочегарова Е.Д. Золотодобывающая промышленность Дальнего Востока (1922–1940 гг.). Исторический опыт. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2002. С. 15.

¹¹ См., напр.: Компанейцев В.А. Память // Золото России. М., 2002. С. 521.

¹² Собрание законов и распоряжений ... 1928. № 40. Ст. 363.

¹³ Собрание законов и распоряжений ... 1929. № 47. Ст. 408.

¹⁴ РГАЭ. Ф.8152. Оп.1. Д.326. Л.6, 52.

¹⁵ См. подробнее: РГИА. Ф.325. Оп.1. Д.326. Л.1–3.

- ¹⁶ Данные "Главзолото". ИА (Я). Ф.658. Оп.8. Д.5. Л.1.; Цит. по: Антонов Е.П. Промышленное освоение Якутии в 20–30-е гг. // www.zaimka.ru.
- ¹⁷ См.: РГИА. Ф.325. Оп.1. Д.216. Л.23, 39.
- ¹⁸ На приобретение бурового оборудования для геологоразведочных работ в 1928–1929 гг. было потрачено 13,1 млн руб. (РГАЭ. Ф.8152. Оп.1. Д.326. Л.71 об.).
- ¹⁹ Хатылаев М.М. Золото Восточной Сибири в стратегии форсированной индустриализации (1926–1937 гг.). Якутск, 1997. С. 217.
- ²⁰ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. II. 1930–1939. М., 2001. С. 207, 229 (РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.843, 853).
- ²¹ Историкография освоения Кольмского края. См., напр.: Историческая хроника Магаданской области: События и факты 1917–1972. Магадан, 1975.
- ²² Цит. по: Николаев К.Б. Место "Дальстрой" в становлении репрессивной системы тоталитаризма: 1931–1940 гг. // www.kolytka.ru.
- ²³ Башев И.Д. Кольмская гряда архитегла ГУЛАГ (заключенные) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, кольмский ГУЛАГ. Магадан, 1996. С. 57–61.
- ²⁴ Ход и особенности рассмотрения данного вопроса см.: Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. II. 1930–1939. М., 2001. С. 204, 212 (РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.841, 847).
- ²⁵ 28 % на 1927/1928 гг. (РГАЭ. Ф.8152. Оп.1. Д.326. Л.1 об.).
- ²⁶ РГАЭ. Ф.4375. Оп.5. Д.1, 3.
- ²⁷ Положение о Главном Управлении золотоплатиновой промышленностью Народного комиссариата тяжелой промышленности. (РГАЭ. Ф.8153. Оп.1. Д.120. Л.2–7).
- ²⁸ См., напр.: РГАЭ. Ф.8153. Оп.1. Д.41. Л.11–12.
- ²⁹ Россыпи и руды. 1931. № 2–3. С. 111.
- ³⁰ Советская золотопромышленность. 1932. № 1. С. 3.
- ³¹ В основном здесь приводились краткие выдержки из "Impiremining", позже "Canadian mining".
- ³² Советская золотопромышленность. 1932. № 5. С. 18.
- ³³ См. подробнее: РГАЭ. Ф.8152. Оп.1. Д.236. Л.5–7.
- ³⁴ РГАЭ. Ф.8152. Оп.1. Д.236. Л.8–18; Д.237. Л.221, 223.
- ³⁵ Договор на проектирование и конструирование оборудования для новых обогащительных фабрик "в области всех цветных и редких металлов" (90 тыс. долларов в год). См.: РГАЭ. Ф.8152. Оп.1. Д.237. Л.180–182; РГАЭ. Ф.7620. Оп.1. Д.776. Л.33.
- ³⁶ РГАЭ. Ф.8152. Оп.1. Д.326. Л.42–43.
- ³⁷ РГАЭ. Ф.8152. Оп.1. Д.326. Л.2. Ф.325. Оп.1. Д.46. Л.1–5.
- ³⁸ См., напр.: Soviet Gold Production, Reserves and Exports through 1954. P. 19 // Central Intelligence Agency. CIA Historical Review Program // www.foia.cia.gov.
- ³⁹ РГАЭ. Ф.8153. Оп.1. Д.62. Л.57 об.
- ⁴⁰ Советская золотопромышленность. 1932. № 4. С. 56–57.
- ⁴¹ РГАЭ. Ф.8153. Оп.1. Д.21. Л.29–35; "О льготах для золото- и платинопромышленности" (Собрание узаконений ... 1932. № 33. Ст. 343); Постановления СНК от 20 июня 1932 г. (№ 987/215); 20 марта 1934 г. (№ 589/99); 7 июля 1934 г. (№ 1581/276); Совета труда и обороны от 15 декабря 1932 г. (№ 1576/975).
- ⁴² Собрание узаконений ... 1934. № 33. Ст. 250.
- ⁴³ "О продлении на 1933 г. освобождения старателей, работающих на старательских работах со своими лошадьми от трудовой повинности" (Собрание узаконений ... 1933. № 36. Ст. 207); "О продлении на 1934 г. постановления об освобождении старателей, работающих на старательских работах со своими лошадьми от трудовой повинности и сельскохозяйственного налога" (Собрание узаконений ... 1934. № 15. Ст. 107).
- ⁴⁴ Лучшие люди золотой промышленности. М., 1935.
- ⁴⁵ См.: Рассказы о золоте. Предисловие. Свердловск, 1937. С. 7.
- ⁴⁶ С 1920 по 1940 гг. СССР было импортировано в общей сложности 1424 т золота, не менее половины этого объема пришло на годы первых пятилеток (Soviet Gold Production, Reserves and Exports through 1954. P. 19 // Central Intelligence Agency. CIA Historical Review Program // www.foia.cia.gov).

А.А. Сафронов, И.В. Петухова
(Екатеринбург)

РЕЭВАКУАЦИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА В ОСВОБОЖДЕННЫЕ РАЙОНЫ СССР (1943–1945 гг.)

В результате войны и оккупации части советской территории экономика СССР понесла огромные потери. Были разрушены более 1 700 городов и поселков городского типа, свыше 30 тыс. заводов, рудников, шахт, электростанций, выведены из строя предприятия, на которых до войны производилось более 60 % угля и стали, 42 % электроэнергии и др. Материальный ущерб оккупированных территорий составил около 2/3 их национального богатства¹.